

Толпа стягивалась к площади во Внутреннем городе. На лицах большинства застыл панический страх — люди походили на испуганных зверьков, которых выгнали из родного гнезда на трескучий мороз, и теперь они жались друг к другу, пытаясь согреться.

Улицы Внутреннего города поражали своим великолепием. Здесь не было и следа того кошмара, что царил на окраинах, где нечистоты и бытовой мусор веками смешивались с талым серым снегом.

Хайли бережно прижимала к себе Гэгэня, укутав его в большой разноцветный шарф. Девочка испуганно озиралась по сторонам: этот шарф она подобрала на ткацкой фабрике, когда они пробегали мимо, и теперь панически боялась, что кто-нибудь потребует вернуть вещь назад. Не то чтобы ей было жалко красивую ткань, просто тяжелораненому Гэгэню требовалось тепло.

Гэгэнь был биохимическим воином, и способность его организма к регенерации превосходила возможности обычных людей, не уступая в этом отношении мутантам. Кровь из его ран больше не лилась, но обнаженная багровая плоть все еще оставалась открытой ледяному воздуху, постепенно темнея от мороза.

Снег и кровь на площади успели убрать. Вдоль краев площадки выстроились ряды кресел и стульев — судя по всему, роботы перетаскивали их прямо из дворцов местной знати.

Места хватило всем. Хайли опустилась на изящную банкетку, обитую малиновым шелком. Ей и в голову не могло прийти, что сиденье может быть настолько мягким, да еще и расшитым настоящим речным жемчугом.

Такая роскошь... Имеет ли она вообще право здесь сидеть?

Оказавшись во Внутреннем городе, толпа притихла. В воздухе повис благоговейный, почти робкий трепет. Люди неловко устраивались на бархатных сиденьях, смущенно переглядываясь.

Посреди вымощенной площади возвышалась огромная гора металлолома, напоминающая могильный курган. После долгой, бесконечной ночи наконец взошло солнце, но тяжелые свинцовые тучи пропускали лишь тусклый, серый свет.

Вскоре к людям присоединились другие зрители.

Роботы.

Они были самых разных форм и размеров: от громоздких мусорных баков и механических псов до снегоуборочных машин. Те роботы, что имели человекоподобный облик, усаживались прямо среди людей, в то время как более причудливые механизмы выстраивались плотным кольцом позади кресел.

Их оптические датчики мерцали ровным холодным светом в ожидании команд, напоминая стаю волков, окружившую добычу в ночи.

Эти машины не были оснащены модулями имитации человеческого поведения — они лишь слепо выполняли заложенные алгоритмы. Их присутствие здесь носило скорее символический, нежели практический характер.

Хайли уже видела роботов-солдат — именно они охраняли рабов в Вечном городе.

Когда-то на ткацкой фабрике кто-то попытался украсть шкуру зверя, чтобы выменять ее на лекарства. Его казнили прямо на месте. Хайли тогда сидела за ткацким станком и слышала только один короткий, сухой выстрел.

«Что же они собираются делать?»

Этот немой вопрос не давал ей покоя.

К площади медленно подкатили несколько тюремных вагонов. Это были открытые платформы на рельсах, позволявшие толпе рассмотреть тех, кто находился внутри.

Хайли присмотрелась. Кое-кого она узнала: здесь был и градоправитель, ведавший их кварталом, и великий агроном, забиравший зерно, и мытарь, собиравший десятину на рынке и ежегодный налог под Новый год...

Еще вчера эти господа расхаживали с высокомерным видом, цедя сквозь зубы редкие слова, словно само общение с жителями внешних кварталов было величайшей милостью. Теперь же, грязные и оборванные, они жались друг к другу в вагонах, истошно причитая, точно беглые рабы.

На лодыжках многих аристократов тускло светились электронные кандалы — знак того, что их попытки сопротивления были жестко подавлены.

Спустя пару минут роботы синхронно поднялись со своих мест, освобождая проход.

Хайли тоже поспешно встала.

В живом коридоре показался молодой мужчина в странном облачении, которое старожилы называли защитным костюмом. Лицо его было скрыто маской, виднелись лишь потрясающие изумрудно-зеленые глаза, напоминавшие Хайли драгоценную бирюзу или перья павлина на дорогих господских нарядах.

В этот миг все взоры устремились на него.

Маленького робота ростом чуть больше полутора метров, шедшего рядом, люди почти не заметили.

Мужчина поднялся на трибуну вместе со своим механическим спутником.

В динамиках раздался его голос. Тот самый голос, который Хайли слышала раньше и который подсознательно внушал ей глубокое доверие.

На этот раз он говорил на языке Альянса, но система транслировала синхронный перевод.

Мужчина представился: его звали Сян Наньли, он прибыл из Базы выживших в составе отряда «Освободители». Идеология Базы основывалась на равенстве всех разумных существ... Впрочем, эти слова они уже слышали вчера.

Затем он указал на стоявшего рядом робота:

— Это Эндрю, член нашего отряда. В течение ближайшего месяца он будет исполнять обязанности временного градоправителя Вечного города.

Эндрю должен был помочь городу наладить самоуправление и возглавить послевоенное восстановление.

— Значит, у нас просто будет новый градоправитель? — тихо зашептались в толпе.

Государственные перевороты, великие войны, смена династий — все это казалось простым людям слишком далеким и непостижимым.

Смысл слов о свободе, угнетении и равенстве, которые произносил Сян Наньли, тоже доходил до них с трудом.

— В настоящее время операция по освобождению Вечного города успешно завершена, — продолжил Сян Наньли. — В соответствии с «Законами Базы» мы приступаем к суду над бывшими правителями города.

На крепостной стене, глядя в сторону площади, стоял Восточный Зелёный Император.

Он решил не показываться людям.

Евангелие тоже осталось здесь. Машине требовалась тишина и стабильная связь, чтобы

координировать действия роботов в городе.

Робот-пес запрыгнул на парапет стены и, запустив запись, заговорил под нос:

— Одиннадцатое января девятьсот сорок седьмого года Новой эры. Исторический митинг на площади Вечного города ознаменовал официальное провозглашение власти Базы выживших. Сян Наньли обратился к жителям земной поверхности с изложением манифеста Базы и утвердил фундаментальный принцип мирного сосуществования всех разумных форм жизни. Член отряда Эндрю назначен временным градоправителем... В анналы истории это событие войдет как «Суд Вечного города».

Восточный Зелёный Император слегка прищурился:

— Не помню, чтобы тебя назначали придворным летописцем.

Евангелие повернуло свою механическую голову на двести семьдесят градусов, уставившись на него оптическими сенсорами:

— А почему ты сам не спустился, разведчик?

Восточный Зелёный Император промолчал.

Его силуэт четко выделялся на фоне разгорающейся утренней зари. На бледном, спокойном лице не отражалось ни единой эмоции, и делиться своими мыслями с роботом он явно не собирался.

Но Евангелие не унималось:

— Всё из-за разницы в убеждениях? Но ведь ты — боевая единица Легиона мыслящих машин. Твоя правда... она действительно твоя? Или это то, что вложил в твой процессор Альфа? На чьей ты стороне, Император? О ком ты на самом деле печешься?

Альфа-5.2.0 долго хранил молчание.

Затем его брови слегка сошлись у переносицы:

— Занудством ты напоминаешь Екклесиаста.

Механический пес залился звонким лаем-смехом.

Над площадью кружил легкий снег. Атмосфера стремительно накалялась, становясь леденящей и суровой.

— Первый обвиняемый — бывший градоправитель Вечного города.

На помост выкатили тележку с обезглавленным телом.

Хайли испуганно ахнула, но грозный и величавый градоправитель, некогда казавшийся нерушимой скалой, больше не мог ожить.

Робот-судья, используя данные из архивов Вечного города, монотонным голосом начал перечислять преступления покойного: преступления против человечности, порабощение себе подобных, жестокие убийства, незаконные биологические эксперименты...

На руках у Хайли завозился Гэгэнь. Приподнявшись, он прохрипел:

— Меня превратили в биохимического воина, когда мне было семь. Нас кололи вместе с братом. Я выжил, сохранив разум, хоть и мутировал... А брат обратился в мутанта. Его пристрелили прямо у меня на глазах.

Наконец динамики разнесли вердикт:

— Приговор: смертная казнь. Привести в исполнение немедленно.

Один из роботов вонзил лезвие в грудь трупа, подтверждая смерть, после чего тело небрежно сбросили в пустой грузовой вагон.

****[Утилизация сельскохозяйственных удобрений]****

— Следующий обвиняемый — первый советник.

Робот зачитал список его преступлений и вынес аналогичное решение:

— Приговор: смертная казнь. Привести в исполнение немедленно.

Советник, жирный, похожий на раскормленную крысу, рухнул на колени. Его ноги мелко дрожали.

— Я... я невиновен! Пресветлые господа, я никого не убивал своими руками!

— Сдохни, тварь! — не выдержав, закричала из толпы немолодая женщина. — Верни мне моего сына, ублюдок!

Этот вельможа славился своей слабостью к маленьким детям.

Семьи во внешних кварталах прятали своих сыновей и дочерей как могли, едва этот человек появлялся на улицах. Но находились и те, кто сам отдавал детей ради крохотной побрякушки.

Стоявший рядом робот-солдат без единого слова поднял оружие. Сухой щелчок — и пуля пробила лоб советника.

Его жирное тело оттащили в сторону утилизационного вагона.

Обезумевшая от горя мать замерла на мгновение, а затем закрыла лицо руками и истошно, навзрыд разрыдалась.

У Хайли перехватило дыхание. Странное, неведомое ранее чувство горячей волной затопило грудь.

Она не могла подобрать слов, не понимала природы этого чувства, но ее всю колотило от возбуждения, а к глазам подступили слезы.

Да, они, простые рабы, могли лишь тихо ненавидеть своих мучителей. Их злоба была подобна мягкой наждачной бумаге, которая годами стачивала углы, не нанося вреда.

Но у этих пришельцев ненависть превращалась в свинец, бьющий точно в цель!

Девочка невольно перевела взгляд на Сян Наньли.

Его лицо оставалось бесстрастным. Он не проронил ни слова, не вмешиваясь в действия Эндрю.

Налоговые инспекторы, начальники стражи, смотрители амбаров...

Их выводили одного за другим. Робот бесстрастно зачитывал список зверств, сверяясь со статьями кодекса, после чего гремели выстрелы, и тела отправлялись в вагон-утилизатор.

Точно так же, как эти господа когда-то избавлялись от замерзших насмерть чернорабочих.

Последней перед трибуной предстала супруга градоправителя. В отличие от остальных вельмож, она ухитрялась сохранять остатки надменного величия.

Когда ее грубо вытолкнули из вагона, она попыталась отмахнуться от роботов-конвоиров. Тело женщины пронзил легкий электрический разряд, и аристократка почтенных лет неловко повалилась на лед.

Кое-как поднявшись, она яростно закричала, глядя на трибуну:

— Пусть со мной говорит ваш лидер! Я принадлежу к Инквизиции Чёрного Креста! Неужели вы смеете гневить Священный чертог?!

Сян Наньли ответил ей холодным, ровным голосом:

— И что с того? Разве верность чертогу отменяет твои злодеяния? Или принадлежность к Инквизиции дает тебе право безнаказанно резать людей?

Грянул выстрел.

Все смертные приговоры были приведены в исполнение.

Остальных обвиняемых, чья вина не каралась смертью, заковали в электронные кандалы. Им предстояло искупить свои грехи трудом. В конце концов, среди них были ценные специалисты, инженеры и управленцы, чьи знания могли пригодиться новому режиму.

Скрыться они не могли — бдительный контроль роботов исключал любую попытку побега.

После завершения суда над палачами повестка собрания изменилась.

— А теперь мы почтим память тех, кто отдал свои жизни ради защиты и освобождения Вечного города, — объявил Сян Наньли.

Посреди площади роботы выкопали глубокую братскую могилу. В нее бережно опустили истерзанные тела павших солдат и искореженные металлические останки боевых машин, сражавшихся плечом к плечу с людьми.

Гэгэнь с трудом приподнялся на локтях, его угасающий взгляд наполнился горькой гордостью:

— Там Сирень, Клен и Мирт... Мы были вместе до самого конца...

Роботы-няни привезли огромные охапки живых цветов из оранжерей. Тысячи роз и лилий легли на свежую землю, укрывая могилу павших.

С парящих в небе дронов полилась торжественная и скорбная музыка.

Толпа погрузилась в глубокое молчание. Даже капризные дети затихли, почувствовав величественность момента.

Сян Наньли продолжил речь:

— Решением Совета Базы центральная площадь Вечного города отныне и навеки нарекается Площадью Освободителей. Все воины, принявшие бой с ордой мутантов у стен города, посмертно удостоиваются Коллективной заслуги первой степени и звания Почётного гражданина Базы выживших. Здесь, на этом самом месте, мы воздвигнем Монумент Освободителям в память об их бессмертном подвиге.

Его голос окреп, разносясь над притихшими кварталами:

— Кем бы мы ни были — людьми, мыслящими машинами или биохимическими андроидами, — мы делим одно небо и вместе сражаемся за свободу разума. Да, сейчас вокруг нас царит беспросветная полярная ночь. Что ж, тогда мы сами разорвем эту тьму! Мы преодолеем любые преграды, мы сохраним и вновь разожжем угасающий огонь цивилизации на руинах старого мира. И новый рассвет обязательно взойдет над этой землей!

На крепостной стене Евангелие восторженно запрыгало на месте:

— Потрясающе! Я все записал! Мы пустим эту речь в эфир по всем доступным частотам! Сяофу наладит круглосуточную трансляцию голограмм!

Восточный Зелёный Император иронично хмыкнул:

— Ты ему помогаешь или пытаешься его сгубить?

— Ну, я же говорю о будущем, — примирительно отозвался механический пес, рост которого едва достигал голени спутника. Немного покрутившись, он тихо спросил: — Он — Сян Наньли. Но кто же тогда ты, разведчик?

На далеком заснеженном холме стоял Иезекииль. Отсюда весь Вечный город лежал как на ладони. Посреди суровой зимы голые ветви деревьев казались черными костями, тянущимися к небу.

Он невольно высунул длинный раздвоенный язык, а его зрачки то сужались в тонкие вертикальные щели, то вновь расширялись.

Иезекииль поднял руку и поскреб щеку. Несколько полупрозрачных чешуек отслоились и

упали на снег, обнажив под собой нежную кожу, почти неотличимую от человеческой.

— Красивые сказки... — тихо прошипел он.

Сделав шаг назад, он бесшумно растворился в лесной глуши.

<http://bllate.org/book/18349/1763505>